

Правда-Ложь

Ложь - Правда

18+

АиЛ Яр

Правда - ложь!

<https://litres.ru/73829619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды привычный мир дает трещину. Целый город внезапно поражает эпидемия абсолютной, безжалостной правды, а соседнее село, напротив, погружается в пучину тотального, комедийного в своем абсурде вранья.

Случайная аномалия? Массовое помешательство? Чтобы распутать клубок современности, придется шагнуть в прошлое и отмотать время на целый век назад — в тяжелые, изломанные 1920-е годы.

Под маской современной сатиры скрывается пронзительная семейная сага и глубокое путешествие в Имагинальный мир. Это история о древних корнях одного рода, где грехи и тайны предков стали семенами для сегодняшнего безумия. Роман в лучших традициях магического реализма, где искрометный абсурд наших дней сплетается с суровой исторической драмой, чтобы рассказать о главном — бесконечной эволюции и мучительном пробуждении человеческой души. Узлы были завязаны век назад, но развязывать их предстоит нам.

АиЛ Яр

Правда - ложь!

Предисловие.

Важно отметить, что эта удивительная история основана на реальных событиях, но только на половину. Всё остальное это альтернативные исторические события, которые не имеют ничего общего с основной реальностью. При этом надо осознавать, что альтернативные исторические события — это не просто выдумки, а серьёзный инструмент для понимания причинно-следственных связей как прямых, так и косвенных. Читателю остаётся только догадываться, где эта реальность пересекается с альтернативным развитием.

Глава 1. Странное утро. Наши дни.

Утро... В это время город ещё только просыпается, наполняясь особенной утренней свежестью. Первые лучи солнца плавно накрывают крыши домов, а в воздухе разливается неповторимая симфония запахов.

На центральных улицах уже открываются булочные с пекарнями, и их витрины манят прохожих запахом свежей выпечки. Где-то неподалёку, в маленьком кафе, начинают готовить кофе, бодрящий аромат которого смешивается с утренней прохладой.

Воробьи наполняют воздух своим щебетанием, а в пар-

ках слышно, как шелестят листья на деревьях. В воздухе ещё чувствуется ночная свежесть, но уже начинает ощущаться тепло поднимающегося солнца.

Прохожие неспешно идут по улицам, вдыхая полной грудью этот особенный утренний коктейль ароматов и просто наслаждаются утренней тишиной, которая вскоре сменится дневным шумом и суетой. Лишь некоторые суетливо бегут по своим делам.

В такие моменты городок кажется особенно уютным и домашним, словно природа и человек на мгновение замирают в едином танце утреннего пробуждения...

Так было вчера, но не сегодня! В это утро тёмные тучи низко нависли над сонным городом, словно пытаясь придавить его своей тяжестью к земле. Первые лучи рассвета с трудом пробиваются сквозь плотные облака.

Мокрый асфальт блестит от недавнего дождя, отражая силуэты унылых прохожих. Нечастые капли продолжают падать с проводов, разбиваясь о лужи с тихим плеском. В воздухе витает запах сырости и прелой листвы.

Редкие пешеходы спешат мимо, кутаясь в кофты и ветровки, поднимая воротники, словно пытаясь спрятаться не только от промозглого ветра, но и от гнетущей атмосферы утра.

В окнах домов кое-где уже горит свет — люди готовятся к новому дню, который, казалось, не обещает ничего хорошего. Где-то вдалеке заунывно завывла собака, добавляя ещё

больше тоски в и без того мрачную картину.

Одинокие фонари, ещё не погасшие в этот час, отбрасывают тусклые круги света на сырой тротуар.

Город словно замер в ожидании чего-то недоброго, затаил дыхание в сером утреннем тумане, который медленно расползлся по улицам, пряча в своих складках последние остатки надежды на лучшее.

Что-то особенное пропало, что поддерживало спокойное и беззаботное существование. Жители города «Стеклоград» проснулись в совершенно новом мире. Мир, где за одну ночь исчезло что-то важное для них, обернулся настоящим кошмаром.

Мужчина в лифте вместо «Доброе утро», посмотрев с неодобрением, на соседа заходящего в лифт, пробормотал сквозь зубы: «Твой одеколон воняет дешёвым спиртом, а мешки под глазами уже можно сдавать в багаж». На что тот ответил, меланхолично поправляя съехавший набок галстук:

— Я в курсе, Аркадий. Это и есть одеколон. Я пользуюсь им просто потому, что у меня нет вкуса и денег на более дорогой аромат. А мешки под глазами оттого, что я третью ночь не сплю, слушая через картонную стену, как ты репетируешь пламенную речь для своего босса и мы оба знаем, что ты снова пойдёшь пресмыкаться и просить прощения за чужие ошибки, - ответил сосед, оторопев от своего ответа.

Аркадий тяжело вздохнул, глядя на мигающие цифры этажей.

— Справедливо, — кивнул он без тени обиды. — Я действительно трус с заниженной самооценкой. И, к слову, я тайком подворовываю твой Wi-Fi, потому что жалею тысячу рублей в месяц.

— Ничего, я в курсе — махнул рукой сосед. — Я специально набираю в поиске «всё о лысинах», чтобы у тебя грузилась только реклама средств от облысения. Я заметил твою плешь ещё в мае.

Лифт звякнул, двери открылись на первом этаже. В холле их встретила консьержка Зинаида Петровна. Она оторвалась от сканворда, смерила обоих тяжёлым взглядом и буднично произнесла:

— Доброе утро, генетический мусор. Квитанции за коммуналку в почтовых ящиках. Я, кстати, специально перепутала ваши счета, просто потому что мне невыносимо скучно доживать свой век в этой стеклянной будке, а ваши мелкие ссоры — единственное развлечение в моей бессмысленной жизни.

— Спасибо за честность, Зинаида Петровна, — хором ответили соседи.

— И вам хорошего дня. Будь моя воля, я бы перерезала кабель лифта, потому что его гул мешает мне смотреть турецкие сериалы, а страдания вымышленных героев меня волнуют куда больше, чем Ваши больные колени, — крикнула она им вслед.

Мужчины вышли на улицу. Город просыпался, наполняя-

ясь, кристально чистой откровенностью.

Над дорогой гордо висел огромный рекламный билборд: «Новый жилой комплекс "Райские кущи". Построен из самых дешёвых материалов гастарбайтерами без квалификации. Слышимость такая, что вы будете знать пульс вашего соседа. Покупайте, потому что на нормальное жильё у вас всё равно не хватит денег».

Аркадий подошел к своему автомобилю, а его сосед — к мотоциклу.

— Ну что, — сказал Аркадий, похлопывая по крыше машины. — Поеду-ка я постою пару часов в глухой пробке, наслаждаясь иллюзией безопасности внутри этой двухтонной железной коробки. Буду слушать музыку, чтобы заглушить внутреннюю пустоту. А ты, я смотрю, снова решил поиграть в русскую рулетку с асфальтом? Рано или поздно ты обязательно разобьёшься в лепешку, и твои мозги придется соскребать с бампера какого-нибудь невнимательного идиота вроде меня.

— Спасибо, что напомнил, — искренне улыбнулся сосед, надевая шлем. — Зато мои шансы сгнить заживо в дорожном заторе, ненавидя свою жизнь, равны нулю. Я буду свободен как ветер, пролетая между вашими стоящими рядами. Моя езда на мотоцикле — это честный диалог со страхом смерти. Часто то, чего мы боимся, и есть то, к чему тянется душа. А твоя машина — как материнская утроба. Ты прячешься в ней от хаоса этого мира, потому что до ужаса боишься при-

знать, что на самом деле ничего не контролируешь.

Аркадий кивнул, признавая правоту соседа, и завел двигатель. На экране навигатора вместо привычной карты высветилась надпись: «Маршрут построен. Вы прибудете в пункт назначения через час, но от себя всё равно не уедете».

В кафе официант больше не улыбался фальшивой улыбкой. Он подходил с лицом мученика и говорил: «Я ненавижу эту работу, ненавижу вас и плюнул бы вам в суп, если бы здесь не стояли камеры». В меню появились честные названия: «Салат Цезарь (три дня лежал в холодильнике)» и «Кофе за 400 рублей (себестоимость 15)».

В магазине косметики продавщица, с безразличным лицом, советовала покупательницам: «Купите этот крем, хотя мы оба знаем, что в 40 лет чудо не произойдет».

В школе родительские собрания превратились в увлекательные сеансы публичного психоанализа. Учитель математики, который раньше льстиво нахваливал туповатых отпрысков влиятельных людей, теперь словесно чертил древо их семейных комплексов.

— Поймите, Иннокентий Петрович, — устало вещал педагог, глядя в глаза побагровевшему от злости чиновнику местной администрации. — То, что ваш сын стабильно путает умножение со сложением, — это не вина образовательной системы. Это ярчайшее проявление его нежелания сепарироваться от образа Матери. Ваша жена его закармила, а вы подавляете его своим авторитетом. В результате мальчик

бессознательно саботирует учёбу, чтобы его внутренний Ребёнок мог хоть как-то отомстить вашей раздутой Персоне. Проще говоря, он бездарь из протеста, а вы — тиран с комплексом неполноценности.

Родитель, услышав подобное, вместо классических скандалов начал ожесточённо рефлексировать вслух:

— Ты прав, жалкий бюджетник! — кричал Иннокентий Петрович, хватаясь за сердце. — Я покупал ему пятерки только потому, что проецировал на него свои собственные нереализованные амбиции из юности! Я ведь втайне всегда хотел стать флористом, а не воровать из бюджета!

Тем временем в городских поликлиниках творился экзистенциальный хаос. Врачи, которые годами выписывали пациентам дорогущие «панацеи» из мела, сидя на откатах от аптек, теперь вынужденно обнажали перед больными бездны коллективного бессознательного.

— Слушайте меня внимательно, больной, — вздыхал терапевт, сменяя в ком очередной рецепт на пробиотики. — Ваша язва желудка — это не от фастфуда. Это ваша тёмные желания, которые вы загнали вглубь психики, буквально проедают вас изнутри, потому что вы ненавидите свою работу логиста и испытываете вечную тревогу и страх её потерять. Никакие таблетки вам не помогут.

— Но ведь раньше вы выписывали мне эти жёлтые капсулы за пять тысяч рублей! — возмущался пациент.

— Раньше я отыгрывал образ Мудрого Врача и догово-

рѐнности с аптеками, а вы с радостью платили мне за то, чтобы переложить на меня ответственность за свою никчѐмную жизнь, — парировал врач. — Эти капсулы были спрессованным мелом. Они работали чисто на магии вашей проекции. А теперь, когда я не могу врать, мой вам рецепт: идите в лес, прокричитесь, перестаньте всего бояться, стрессовать и разведитесь, наконец, с женой, которая высасывает ваше либидо.

Паника среди горожан достигла небывалых высот.

В бутиках женской одежды началось массовое и безжалостное крушение амбициозных самооценок посетительниц. Продавщицы-консультанты, чьей главной задачей раньше было полировать клиенток лестью, теперь превратились во всадников апокалипсиса для женского Самолюбия.

— Снимайте это, — меланхолично вздыхала консультантка, глядя на даму в тесной леопардовой блузке. — Этот принт не делает вас роковой соблазнительницей. Он лишь подчѐркивает вашу глубокую фиксацию Вечной Девочки и тот факт, что вы заедаете эклерами нехватку мужского внимания. Ваши бедра объективно не вписываются в лекала этого бренда, а ваше декольте кричит о катастрофически неразвитой груди.

Реакция на такую насильственную правду была предсказуемой: покупательницы, чьѐ Эго трещало по швам от невыносимой честности, переходили к физическому устранению источника истины. В ход шли плечики для одежды, тяжѐ-

лые люксовые сумки и туфли на шпильке. Охрана разнимала драки в примерочных, где разъяренные женщины пытались задушить консультанток шелковыми шарфиками.

Зализывая раны, пострадавшие искали спасения в привычном ритуале: они бежали жаловаться подругам за бокалом вина или в соцсетях, ожидая классического поглаживания по своей Персоне, но и там не находили поддержки.

Но город жил по новым правилам.

— И ты представляешь, эта нахалка сказала, что я в этом платье похожа на гусеницу с кризисом среднего возраста! — рыдала в голосовом сообщении Люся.

На что её лучшая подруга Маша, печатая ответ, кристально честно разрушала их семилетнюю дружбу:

— Люся, объективно говоря, продавщица права. У тебя фигура типа «унылый прямоугольник», и ты действительно одеваешься как подросток, чтобы не брать на себя ответственность взрослой женщины. На правду не обижаются, дорогая. Кстати, твоя привычка постоянно строить из себя жертву — это классическая попытка манипулировать. Меня это всегда бесило.

Дружбы сыпались, как карточные домики. Контакты, основанные на взаимных проекциях и вежливом вранье, перестали работать. Девушки отписывались друг от друга и добавляли друг друга в чёрные списки.

Самое страшное стало происходить вечером, в тишине квартир. Что-то древнее, непреодолимое и мудрое — застав-

ляло их стоять перед зеркалом и признавать: «Да. Я действительно выгляжу в этом платье нелепо. И я действительно истеричка».

Они чувствовали, как внутри поднимается волна обжигающей, первобытной ярости, готовой выплеснуться наружу. Это кричало их уязвлённое Эго, с которого живьём сдирали кожу иллюзий. Они плакали от злости, но парадоксальным образом ощущали странное облегчение.

Корпоративные планерки длились ровно 4 минуты. Начальник вставал и говорил: «Мы провалили квартал, потому что я идиот, а вы ленивые бездарности». Все кивали и расходились.

Даже мэр города Александр Николаевич, привыкший к дипломатичным формулировкам и фиктивным отчётам, теперь был вынужден говорить только правду. Его честные доклады о состоянии дел города компрометировали всех местных чиновников и его самого в том числе. В правительственном здании царила напряжённая атмосфера. В срочном порядке было созвано закрытое совещание. В просторном зале с затемненными окнами собрались ключевые фигуры правительства и руководители специальных служб. Атмосфера сосредоточенности витала в воздухе — все понимали исключительную важность обсуждаемых вопросов. Строгий пропускной режим обеспечивал полную конфиденциальность мероприятия.

К полудню город погрузился в хаос. Люди не могли боль-

ше выносить жестокую правду друг о друге и о себе. Кто-то истерил в своей квартире, узнав подробности о своей жене и лучшем друге. Другие ссорились с близкими, не выдержав честного разговора. Третьи просто закрылись от мира, боясь услышать что-то ещё более неприятное.

В местном ЗАГСе образовалась очередь из желающих развестись либо забрать заявление на регистрацию брака.

В дежурную часть отделения полиции выстроилась внушительная вереница из граждан. Организация приёма работала в усиленном режиме, но поток заявлений превышал возможности оперативного реагирования.

По центральному телевидению показывали только музыкальные каналы с клипами без рекламы и передач.

Если до обеда недуг был на сознательном уровне, то ближе к вечеру этот вирус правды потихоньку начал овладевать подсознанием большинства жителей. Люди переставали врать сами себе: мозг, который постоянно обманывает, чтобы потратить меньше энергии и получать удовольствие, теперь начинал всё больше говорить правду. Когнитивные искажения исчезали, и естественная особенность работы мозга, такая как механизм выживания, помогающий быстро принимать решения в условиях неопределённости, пропадала. Ум стал перегружен анализом каждой ситуации. Это сделало даже простые действия невыносимо медленными. Людям стало трудно фильтровать информацию, что приводило к постоянному стрессу и невозможности сосредото-

читься на важных задачах. Доверие и эмпатия постепенно исчезали. Их отсутствие сделало общение сложным и неестественным. Разум терял способность быстро адаптироваться к новым условиям, что стало критично для выживания в меняющейся среде. Это привело к тотальным последствиям! Многие не выдерживали этого и сходили с ума, а то и вовсе заканчивали жизнь самоубийством. Происходило что-то, по истине, чрезвычайно жуткое и похожее на апокалипсис, где люди превращались в немощных созданий, утрачивающих способность мыслить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.